
НЕЙТОН ЛИ
ФИКТИВНЫЙ
КОНТРАКТ
НА МИЛЛИОН

Нейтон Ли

Фиктивный контракт на миллион

«Литнет»
2026

Ли Н.

Фиктивный контракт на миллион / Н. Ли — «Литнет», 2026

Я всего лишь пролила безлактозный капучино на пиджак незнакомца в лифте делового центра. Через час выяснилось, что это владелец холдинга Артём Верховцев, а на следующий день он предложил мне контракт на миллион рублей и роль своей невесты перед голосованием семейного фонда.Ему нужна безупречная репутация и защита от интриг кузена, а мне — средства, чтобы без грабительского кредита закрыть кассовый разрыв в реабилитационной клинике матери и запустить собственное PR-агентство. Но я слишком хорошо знаю цену красивым легендам, поэтому сделка пройдёт по моим правилам: официальный договор консалтинга, отдельная гостевая половина в пентхаусе и пункт четыре-два — никаких поцелуев и прикосновений без согласия.Мы должны убедить его властную семью, совет фонда и деловую прессу в том, что наш октябрьский брак — настоящий. Вот только что делать, если за строгими пунктами меморандума начинается чувство, которое не предусмотрено никаким договором?

© Ли Н., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Дресс-код: капучино 5
Глава 2. Миллион без мелкого шрифта 16
Глава 3. Тест на настоящую ложь 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Глава 1. Дресс-код: капучино

Восьмого сентября в половине девятого утра Москва пахла мокрым асфальтом, жжёным сцеплением на Третьем транспортном кольце и моей тщеславной надеждой наконец-то открыть собственное агентство репутационного консалтинга. Чтобы эта надежда обрела юридический адрес и расчётный счёт, мне нужно было всего ничего: выиграть осенний закрытый тендер технологической группы «Вектория», не опоздать к пропускному турникету их башни возле «Москва-Сити» и донести до двадцать четвёртого этажа два больших стакана капучино на безлактозном молоке, не превратив собственный светло-серый тренч в абстрактное полотно.

С первыми двумя пунктами дела шли неплохо. С третьим возникли трудности уже у вращающихся стеклянных дверей головного офиса.

— Ксюша, умоляю, скажи, что ты взяла синюю папку с печатными раздатками, — раздался в моём правом наушнике голос Даши Рубцовой, моего лучшего дизайнера презентаций, главной боевой подруги и человека, способного в три часа ночи спорить о кернинге шрифтов так страстно, будто от этого зависела судьба мировой дипломатии. — Потому что я сейчас стою у стойки гостевой регистрации на первом этаже, охранник смотрит на мой тубус с инфографикой как на гранатомёт, а в моём рюкзаке только запасные кабели и початая пачка миндаля.

— Синяя папка у меня под мышкой, Даш, — ответила я, плечом придерживая тяжёлую сумку с ноутбуком, пока пальцы левой руки отчаянно балансировали картонным подносом из кофейни напротив. — И три флешки с резервными копиями в кармане жакета. Не паникуй. Я уже прохожу рамку металлоискателя.

— Только не беги! — предупредила Даша, и я тут же увидела её у длинной стойки из матового кварца: рыжий пучок на макушке, изумрудный брючный костюм и бейдж временного посетителя, прицепленный к лацкану вверх ногами. — Тут полы натёрты до такого зеркального блеска, что в них можно проверить пломбы на верхних зубах.

— Я не бегу, я величественно шествую, — соврала я, перешагивая через ограничительную ленту у металлоискателя.

Охранник в тёмно-синей форме кивнул мне, сверившись с планшетом, я приложила гостевую карту к стеклянному считывателю турникета и сделала быстрый шаг к ней.

— Держи свой кофе, спасительница визуальных смыслов, — выдохнула я, протягивая ей поднос, но Даша в этот самый миг нырнула в рюкзак за паспортом, который забыла убрать после оформления пропуска.

— Подожди секунду, у меня замок заело, — пробормотала она, дёргая металлическую собачку молнии. — Слушай, тебе мама утром не звонила? Она вчера вечером спрашивала в мессенджере, во сколько у нас защита проекта, чтобы не отвлекать тебя звонками до обеда.

Упоминание мамы отозвалось внутри привычным тёплым уколом беспокойства. Наталья Михайловна Ларионова, пятьдесят восемь лет, главный врач небольшого частного центра восстановительной медицины «Рядом» в Одинцовском районе, обладала редким талантом говорить о собственных финансовых трудностях таким спокойным терапевтическим тоном, каким обычно объясняют пациентам пользу лечебной физкультуры. Никакой катастрофы в клинике не происходило: реабилитационные залы работали по расписанию, врачи получали зарплату день в день, а пациенты спокойно проходили свои курсы восстановления после травм. Но в августе центру пришлось экстренно менять старый узел вентиляции и теплообмена в водолечебном блоке, а крупная страховая компания задержала квартальный транш по договору добровольного медицинского страхования из-за переоформления реестров. В результате в бюджете клиники образовался кассовый разрыв ровно на один миллион рублей. У мамы был прозрачный график погашения до весны и предварительное одобрение банковской кредитной линии под оборотные средства, однако процентная ставка кусалась так хищно, что я твёрдо

решила закрыть этот миллион целевым возвратным займом из собственных гонораров, как только подпишу крупный осенний контракт.

— Мы с ней разговаривали в семь утра, пока я гладила блузку, — сказала я Даше, поправляя ремень сумки на плече. — Подрядчики по инженерным системам согласились подождать закрывающий платёж до конца сентября без пеней, если мы покажем гарантийное письмо до пятницы. Так что сегодняшний тендер «Вектории» нам очень кстати. Забирай хотя бы свой стакан, у меня сейчас пальцы сведёт.

— Беру-беру! — Даша наконец справилась с молнией рюкзака, выхватила из подноса один картонный стакан и кивнула в сторону лифтового холла. — Пошли скорее к скоростной группе «Б». Нам сказали подниматься на двадцать четвёртый, в малый конференц-зал совета. И, Ксюш… там на ресепшене только что шептались администраторы. Говорят, сегодня на утренних защитах присутствует не только дирекция по маркетингу, но и кто-то из старших Верховцевых.

Я нахмурилась, ускоряя шаг по гулкому мраморному коридору.

— Руслан Павлович? Финансовый директор их дочернего дивизиона? Мы же изучали структуру группы: он курирует закупочный комитет смежных сервисов, но к брендингу и внешним коммуникациям головного холдинга прямого отношения не имеет.

— Не знаю, кто именно, — Даша нажала сенсорную кнопку вызова лифта, и над стальными створками мягко засветилась белая стрелка. — Но девушки на стойке регистрации выглядели так, словно к ним в здание внезапно нагрянула налоговая инспекция верхом на драконе. Ой, стой! У меня шнурок на кедах развязался, а каблуки я хотела надеть уже в туалете на двадцать четвёртом этаже, чтобы не ковылять от метро как раненая цапля. Заходи в кабину и держи дверь, я за три секунды!

Тяжёлые матовые створки правого лифта бесшумно разъехались. Кабина внутри оказалась просторной, отделанной тёмным шпоном американского ореха и холодным матовым металлом, но совершенно пустой — если не считать высокого мужчины, стоявшего у дальней стенки спиной к двери. Он читал что-то с экрана телефона, слегка наклонив голову с густыми тёмно-русыми волосами, аккуратно подстриженными на затылке, а на его плечах идеально, без единой лишней складки сидел графитовый шерстяной пиджак такой портновской работы, какую я видела только в глянцевых приложениях к деловым газетам.

— Даша, быстрее, лифт умный, он долго ждать не любит! — вполголоса бросила я через плечо, шагнув внутрь и одновременно пытаясь перехватить синюю папку из-под локтя в левую руку, чтобы правой нажать кнопку удержания дверей.

Это было тактической ошибкой.

В тот самый миг, когда я потянулась к приборной панели, Даша влетела в кабину с грацией атакующего полузащитника, задела тубусом край моей сумки, а мужчина у дальней стенки резко развернулся, услышав возню, и сделал шаг вперёд, намереваясь выйти — видимо, он только что спустился с верхних этажей или передумал ехать.

Пластиковая крышка на моём большом стакане, которую бариста в утренней спешке защёлкнул не до конца, предательски щёлкнула.

Время замедлилось, как в дорогом рекламном ролике, только без красивой музыки. Густая белоснежная шапка молочной пены вместе с горячим эспрессо взметнулась вверх, описала в воздухе короткую дугу и с глухим, отвратительно сочным плеском обрушилась прямо на грудь графитового пиджака, заливая безупречный шёлковый галстук цвета грозового неба и белоснежную сорочку.

В кабине повисла такая плотная тишина, что стало слышно, как за дверями лифта в холле пискнул датчик турникета.

Даша замерла с тубусом наперевес, приоткрыв рот. Я стояла в двадцати сантиметрах от пострадавшего со смятым, наполовину пустым картонным стаканом в пальцах и смотрела,

как по тончайшей ткани его лацкана медленно сползает бурая кофейная капля, увенчанная крупинкой корицы.

Мужчина опустил взгляд на свою грудь. Потом очень медленно поднял глаза на меня.

Ему было около тридцати шести. Резкие, сухие скулы, прямой нос, густые брови, сдвинутые к переносице, и серые, холодные, как октябрьская вода в Москве-реке, глаза. В них не было истерики или театрального гнева — только предельная, звенящая концентрация человека, у которого расписание расписано по минутам до конца квартала, а в восемь сорок две утра в это расписание вторглась стихия с корицей.

— Безлактозное, — автоматически сказала я, потому что мой мозг в минуты острого стресса всегда пытается опередить катастрофу точными фактами. — И без сахара. Это хорошая новость: липких пятен от сиропа на шерсти не останется, если промокнуть холодной водой в первые три минуты.

Он моргнул один раз. Уголок его твёрдо очерченного рта едва заметно дрогнул, хотя сказать с уверенностью, было ли это началом нервного тика или мрачной усмешки, я бы не взялась.

— Вы всегда начинаете презентацию своих услуг с химического анализа ущерба? — спросил он негромким, глубоким баритоном, в котором сталь звенела так отчётливо, что Даша за моей спиной невольно втянула голову в плечи.

Я быстро вытащила из наружного кармана сумки пачку сухих бумажных платков, вскрыла клапан одним движением и протянула ему, благоразумно не пытаясь прикасаться к чужой одежде самостоятельно. Мало что раздражает людей сильнее, чем незнакомец, который сначала облил тебя горячим напитком, а потом принялся яростно растирать пятно по твоим рёбрам.

— Только в тех случаях, когда стандартное «простите, я ужасно неловкая» звучит слишком банально для масштаба разрушений, — ответила я, выдерживая его прямой взгляд. — Мне правда очень жаль. Я шла спиной, держала двери для коллеги и не видела, что вы собираетесь выходить. Возьмите салфетки. Тереть нельзя, нужно только прижать к ткани, чтобы бумага впитала влагу из верхнего ворса.

Он забрал пачку из моих рук. Пальцы у него были длинные, сухие и горячие, а на запястье под манжетой рубашки, которой чудом не досталось кофейного душа, тускло блеснул стальной корпус тонких механических часов без всяких кричащих логотипов.

— Спасибо за инструкцию, — сухо произнёс он, прижимая белый бумажный квадрат к лацкану. — Вы на двадцать четвёртый?

— Да. На тендерный комитет по коммуникационной стратегии.

— Замечательно, — он шагнул мимо нас в холл как раз в тот момент, когда створки лифта предупреждающе дрогнули, собираясь закрыться. — Значит, у вас есть ровно семнадцать минут, чтобы придумать аргументы убедительнее корицы. Удачного подъёма.

Двери сомкнулись, отрезав его высокую фигуру от нашего обзора, и кабина мягко рванула вверх.

Даша медленно повернула ко мне побелевшее лицо.

— Ксюша, — прошептала она одними губами. — Ты хоть поняла, кого ты сейчас окрестила безлактозным капучино?

— Человека с очень хорошей выдержкой и пиджаком из кручёной мериносовой шерсти плотностью не меньше Super 150, — я выбросила остатки злополучного стакана в маленькую металлическую урну для бумаг, встроенную под панелью управления лифтом, и вытерла пальцы влажной салфеткой. — Химчистка обойдётся тысяч в пять, но если он выставит нам счёт за весь костюм, мне придётся продать твой графический планшет.

— Это был Артём Ильич Верховцев! — выдохнула Даша, прижимая тубус к груди, словно спасательный круг. — Владелец контрольного пакета «Вектории»! Я же его фотографии в годо-

вом отчёте позавчера верстала для слайда с историей компании! Просто на снимках он в очках и с более короткими волосами, а в жизни выглядит так, будто питается исключительно квартальными балансами и человеческими слабостями!

Я прикрыла глаза на две секунды, делая глубокий вдох по всем правилам антикризисного медиатренинга: вдох на четыре счёта, задержка на два, медленный выдох на шесть. В груди неприятно похолодело, но паника — роскошь для тех, у кого нет обязательств перед маминой клиникой и трёх лет работы над собственным именем в отрасли.

— Значит, нам крупно повезло, — открыв глаза, ровно сказала я. — Во-первых, он не стал устраивать сцену у лифта и требовать службу безопасности. Во-вторых, нас он точно запомнил. А в мире перегруженных информацией топ-менеджеров первичная узнаваемость бренда — это уже половина успеха.

— Первичная узнаваемость через ожог первой степени? — простонала Даша, когда лифт мягко звякнул, останавливаясь на двадцать четвёртом этаже. — Ксения Алексеевна, твоя самоирония когда-нибудь доведёт меня до седых висков в тридцать лет.

— Надевай свои лодочки в гардеробной и включай ноутбук в переговорной, — скомандовала я, выходя в светлый холл с панорамным остеклением, откуда открывался головокружительный вид на стальные шпили «Москва-Сити» и серую ленту реки под низкими сентябрьскими облаками. — Если мы покажем им лучшую стратегию на рынке, пиджак останется просто курьёзом.

Однако уже через десять минут выяснилось, что пролитый кофе был самой безобидной частью нашего утра.

В малом конференц-зале пахло свежей полиграфией, кондиционированным воздухом и дорогим парфюмом с нотами кедра. За длинным столом из осветлённого дуба уже сидели четверо сотрудников «Вектории»: директор по корпоративным коммуникациям Елена Станиславовна — подтянутая женщина лет сорока пяти с усталыми глазами, двое аналитиков из пресс-службы и холёный мужчина в светло-бежевом костюме, с безупречно уложенным пробором и золотыми запонками, которыми он рассеянно постукивал по глянцевой папке. Перед ним стояла табличка: «Верховцев Руслан Павлович, финансовый директор дивизиона инфраструктурных решений».

Тот самый двоюродный брат. Я сразу вспомнила справку, которую собирала перед тендером: тридцать девять лет, амбициозный сторонник агрессивной монетизации, активно пытающийся расширить своё влияние на назначения в управляющей компании накануне декабрьского голосования наблюдательного совета семейного фонда Верховцевых. Покойная бабушка Артёма и Руслана, Лидия Игоревна, в своё время учредила этот семейный фонд и завещала ему крупный пакет голосующих акций группы, распределение которых контролировал совет при участии матери Артёма, Валентины Петровны. Никаких сказочных условий в уставе фонда не было, но внутри клана давно шла тихая позиционная борьба за то, чей управленческий курс получит перевес в конце года.

— Коллеги, мы рады приветствовать независимую проектную группу Ксении Ларионовой, — вежливо, но суховато произнесла Елена Станиславовна, взглянув на настенные часы. — До начала вашего слота три минуты. Вы можете подключить оборудование к центральному экрану.

— Благодарю, Елена Станиславовна, — я положила синюю папку на край стола, пока Даша быстро соединяла кабель HDMI с нашим ноутбуком. — Раздаточные материалы по трёхлетней архитектуре бренда и антикризисному протоколу для B2B-сегмента я положу перед каждым участником комитета.

Руслан Павлович лениво приподнял бровь, скользнув взглядом по обложке нашего буклета.

— Антикризисный протокол для B2B-сегмента? — переспросил он с мягкой, почти бархатной улыбкой человека, который только что обнаружил у собеседника отсутствие козырей. — Какая трогательная основательность. Вот только, Ксения Алексеевна, мы ещё в пятницу вечером обновили техническое задание через секретариат закупочного комитета. Головному холдингу больше не требуется консервативная репутационная защита для корпоративных заказчиков. Мы переориентируем тендер на массовую медийную экспансию, агрессивный инфлюенс-маркетинг и быстрый прогрев розничных инвесторов перед зимним релизом потребительской экосистемы.

У меня внутри всё оборвалось, словно лифт, на котором мы только что приехали, внезапно рухнул в шахту, но ни один мускул на моём лице не дрогнул. Даша замерла у ноутбука, с ужасом глядя то на меня, то на тридцать восемь слайдов нашей тщательно выверенной презентации, каждый из которых был построен вокруг закрытого корпоративного консалтинга, защиты деловой репутации акционеров и работы с индустриальной прессой.

Я перевела взгляд на Елену Станиславовну. Директор по коммуникациям заметно напряглась и отвела глаза к окну — верный признак того, что пятничная «корректировка» прошла поверх её головы через аппарат Руслана Павловича, и сама она узнала о ней слишком поздно, чтобы предупредить всех внешних подрядчиков. Или предупредила только тех, кого лоббировал финансовый директор.

Однажды, весной двадцать четвёртого года, я уже переживала подобный удар в спину — тогда мой бывший жених Максим Серов, тоже консультант по коммуникациям, за ночь до решающего питча слил мой авторский медиаплан прямому конкуренту ради места в совете директоров клиентской компании. Тогда я растерялась на тридцать секунд, начала оправдываться, доказывать авторство своих таблиц — и проиграла встречу ещё до того, как открыла второй слайд. Мы с Максимом расстались в тот же вечер, а я дала себе слово: никогда больше не защищать вчерашние черновики, если правила игры изменили прямо на поле.

— В пятницу до девятнадцати ноль-ноль в едином цифровом кабинете поставщиков «Вектории» висела редакция брифа номер четыре от двадцать восьмого августа, Руслан Павлович, — спокойным, отчётливым голосом произнесла я, не повышая тона, но и не позволяя себя сбить. — С электронной подписью департамента закупок. Если изменения вносились после закрытия операционного дня без рассылки уведомлений участникам шорт-листа, юридически они не могут считаться основанием для дисквалификации заявки.

Руслан Павлович снисходительно развёл руками, блеснув золотыми запонками.

— Мы же не в арбитражном суде, Ксения Алексеевна. Мы выбираем партнёра, который чувствует пульс бизнеса, а не прячется за бюрократическими регламентами. Если ваша команда заготовила академическую лекцию про скучные отраслевые рейтинги, боюсь, мы просто потеряем сорок минут времени.

В этот момент тяжёлая стеклянная дверь конференц-зала отворилась.

На пороге стоял Артём Ильич Верховцев.

На нём больше не было залитого кофе графитового пиджака и грозового галстука. Он остался в свежей, хрустяще белой сорочке с расстёгнутой верхней пуговицей и тёмно-синем жилете, который сидел на его широких плечах и узкой талии ещё строже, чем костюмная пара. Очевидно, в его кабинете на верхнем этаже имелся запасной гардероб на случай переговоров, затянувшихся за полночь, или встреч с чрезмерно бодрыми пиарщицами.

— Надеюсь, я не опоздал к началу академической лекции, — ровно произнёс Артём Ильич, проходя к торцу стола и отодвигая кожаное кресло. Его серые глаза на долю секунды встретились с моими, но в них не мелькнуло ни злорадства, ни намерения выдать наш утренний инцидент у лифта. — Продолжайте, Руслан. О какой потере времени шла речь?

Руслан Павлович мгновенно выпрямился, его бархатная вальяжность сменилась деловой озабоченностью.

— Артём, рад, что ты нашёл окно в графике. Я как раз объяснял коллегам из агентства Ларионовой, что наш вектор сместился в сторону шумной розничной кампании и работы с лидерами мнений. А у девушек, судя по раздаточным материалам, подготовлен классический корпоративный меморандум по старому техзаданию. Я предложил не мучить друг друга формальным зачитыванием слайдов.

Даша у ноутбука побелела так, что веснушки на её переносице стали казаться чёрными точками. Ее пальцы зависли над клавишей запуска презентации.

Артём Ильич положил руки на подлокотники кресла, чуть наклонил голову и посмотрел прямо на меня.

— Ксения Алексеевна, — произнёс он моё имя так спокойно, словно тестировал прочность конструкции под нагрузкой. — Мой финансовый директор считает, что ваш материал устарел ещё до того, как вы включили проектор. У вас есть что возразить по существу, кроме ссылки на регламент электронного кабинета?

В зале стало тихо. Елена Станиславовна затаила дыхание, аналитики опустили взгляды в блокноты, а Руслан Павлович чуть заметно улыбнулся, ожидая, что сейчас я либо начну судорожно пролистывать непригодные слайды, либо примусь жаловаться на несправедливость тендерной процедуры.

Я подошла к ноутбуку, мягко отвела Дашину руку от тачпада и одним нажатием клавиши закрыла файл нашей презентации. Экран за моей спиной погас, оставшись строгим тёмно-синим прямоугольником с логотипом «Вектории» в углу.

— Есть, Артём Ильич, — сказала я, поворачиваясь к столу и опираясь ладонями о спинку свободного стула. — И для этого мне даже не понадобится проектор. Потому что если технологическая группа с вашим портфелем государственных и индустриальных контрактов прямо сейчас, в сентябре двадцать пятого года, запустит агрессивный инфлюенс-маркетинг и «шумный прогрев» розничных инвесторов, то к декабрю вы получите не рост капитализации, а репутационный кризис и вопросы от регулятора.

Улыбка сползла с лица Руслана Павловича.

— Простите, что? — холодно переспросил он. — Вы собираетесь учить нас инвестиционному маркетингу?

— Я собираюсь сэкономить вам бюджет и нервы наблюдательного совета, — парировала я, чувствуя, как внутри включается тот самый холодный, чистый драйв профессионала, ради которого я когда-то и пришла в стратегические коммуникации. — Давайте посмотрим на факты. Семьдесят восемь процентов выручки «Вектории» формируют долгосрочные инфраструктурные решения: облачные хранилища, промышленная кибербезопасность и транспортная телематика. Ваши главные клиенты — это директора по информационным технологиям крупных корпораций и банки. Знаете, что думает директор по безопасности банка, когда видит, что его поставщик критической инфраструктуры вдруг начинает скупать рекламу у лайфстайл-блогеров и заманивать частных инвесторов громкими обещаниями потребительской экосистемы?

Я сделала короткую паузу, переводя взгляд с нахмурившегося Руслана на неподвижного Артёма Ильича.

— Он думает, что у компании проблемы с ликвидностью в основном бизнесе и она пытается закрыть кассовые потребности за счёт дешёвого розничного хайпа, — чётко проговорила я. — В октябре у вас перезаключение трёх ключевых контрактов с промышленными холдингами Урала. В ноябре — большой технологический форум в Сочи, где вы должны подтвердить статус самого надёжного архитектора цифровых систем. Если вы выйдете туда в образе шумного ярмарочного стартапа, ваши конкуренты используют это против вас в первый же день кулуарных переговоров.

— Это голословные страшилки, — резко бросил Руслан Павлович, подаваясь вперёд и сжимая золотую ручку. — Рынок требует медийности и открытости! Консервативный стиль управления делает бренд «Вектории» тяжёлым и неповоротливым в глазах новой аудитории.

— Открытость и ярмарочный шум — это разные вещи, Руслан Павлович, — возразила я, раскрывая синюю папку на третьем развороте и кладя её прямо перед Артёмом Ильичом. — В нашем проекте мы предлагаем не прятаться в бункере, а выстроить двухуровневую коммуникацию. Первый уровень — жёсткая фактологическая прозрачность для деловой прессы, банковских аналитиков и партнёров: публикация независимых аудитов устойчивости, открытые отраслевые дебаты технических директоров, понятная логика корпоративного управления. И только второй уровень, строго изолированный по тональности, — спокойное, экспертное просвещение частных пользователей вашей новой экосистемы. Без блогеров, разыгрывающих смартфоны, и без агрессивных обещаний доходности.

Артём Ильич опустил взгляд на раскрытую страницу, где Даша вчера до полуночи выстраивала матрицу репутационных рисков с точными цифрами потерь при смешении B2B- и B2C-сообщений. Он медленно перевернул плотный лист, задержался на графике медиаиндекса за последние полгода, а затем поднял голову и посмотрел на своего кузена.

— Руслан, — негромко спросил он. — Кто именно из продуктовой дирекции подписал пятничное изменение брифа в пользу инфлюенс-маркетинга?

Руслан Павлович едва заметно смешался, хотя тут же вернул лицу непроницаемое выражение.

— Это была предварительная инициатива моей рабочей группы по капитализации дочерних сервисов. Мы хотели проверить, насколько внешние агентства готовы гибко адаптироваться к новым вводным в реальном времени. Своего рода стресс-тест на сообразительность.

— Вот как, — голос Артёма Ильича прозвучал почти ласково, но от этой ласковости у двоих аналитиков из пресс-службы синхронно выпрямились спины. — Стресс-тест без согласования с Еленой Станиславовной и со мной. Любопытная методология. И как тебе результаты проверки?

— Должен признать, Ксения Алексеевна реагирует быстро, — сквозь зубы процедил Руслан Павлович, бросив на меня взгляд, в котором читалось искреннее желание отправить меня обратно на первый этаж без помощи лифта. — Хотя тон её аргументации кажется мне излишне категоричным для внешнего консультанта.

— А мне её тон кажется единственным трезвым звуком в этой комнате за сегодняшнее утро, — отрезал Артём Ильич и повернулся ко мне. — Ксения Алексеевна, у вас осталось двадцать две минуты регламентного времени. Если мы отложим в сторону самодеятельные «стресс-тесты» финансового дивизиона и вернёмся к реальным задачам группы до конца декабря: что вы считаете главной уязвимостью «Вектории» в публичном поле прямо сейчас? Не по отчётам пресс-службы, а со стороны.

Даша у ноутбука тихонько выдохнула и незаметно показала мне большой палец под крышкой стола. Елена Станиславовна впервые за утро одобрительно кивнула, доставая из кармана жакета очки.

Я посмотрела прямо в холодные серые глаза владельца контрольного пакета. Это был момент истины: можно было сказать обтекаемый комплимент о том, что у такой мощной компании почти нет слабых мест, а можно было назвать вещи своими именами — так, как я привыкла работать со всеми клиентами, которых действительно уважала.

— Ваша главная уязвимость, Артём Ильич, — это персонифицированный вакуум вокруг первого лица, — сказала я ровно. — Когда в двадцать первом году не стало вашего отца, Ильи Сергеевича, рынок воспринимал «Векторию» как семейную крепость с понятной патриархальной преемственностью. За последние четыре года вы блестяще удвоили технологические показатели, но полностью закрыли личный контур. Вы не даёте больших интервью о ценностях

компании, не появляетесь на неформальных площадках индустрии, а любая информация о владельце сводится к сухим строчкам в ведомостях корпоративных назначений.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как за окном на высоте двадцать четвёртого этажа гудит осенний ветер. Я знала, что иду по тонкому льду, затрагивая тему семьи, но я говорила строго в рамках репутационного анализа.

— И почему же отсутствие светской хроники с моим участием является проблемой для технологического холдинга? — с ледяным спокойствием поинтересовался Верховцев, сцепив длинные пальцы на столе поверх моей синей папки.

— Потому что пустоту в информационном поле всегда заполняют чужие интерпретации, — ответила я. — Для консервативных партнёров, государственных заказчиков и, смею предположить, для старшего поколения акционеров чрезмерная закрытость первого лица в период корпоративной трансформации выглядит не как скромность, а как нестабильность или нежелание брать на себя долгосрочную социальную ответственность. Когда человек в тридцать шесть лет управляет огромной структурой как невидимый алгоритм из башни, вокруг него неизбежно рождаются слухи о внутренних расколах в управлении. А слухи о расколе — это то, что бьёт по стоимости активов сильнее любого технического сбоя.

Руслан Павлович резко шевельнулся в кресле, словно собирался вставить реплику, но Артём Ильич даже не повернул к нему головы — он продолжал буравить меня взглядом, в глубине которого вдруг вспыхнул странный, острый, почти хищный интерес. Словно мои слова о «консервативных акционерах и социальной ответственности» попали не просто в корпоративный отчёт, а в самый эпицентр его личной головной боли, о которой не писали в деловых газетах.

— Даша, включи, пожалуйста, одиннадцатый слайд из основного файла, — попросила я подругу, не разрывая зрительного контакта с Верховцевым. — Там, где мы расписали карту публичного присутствия первого лица на октябрь и ноябрь без ущерба для рабочего графика и без превращения руководителя в героя бульварных колонок.

Следующие двадцать минут прошли как по нотам. Даша переключала слайды с точностью швейцарского хронометра, Елена Станиславовна задала четыре глубоких профессиональных вопроса по медиапланированию перед ноябрьским форумом в Сочи, а я отвечала с цифрами, охватами и конкретными примерами из практики последних лет. Руслан Павлович больше не проронил ни слова: он сидел откинувшись на спинку кресла и что-то быстро печатал в телефоне, изредка бросая короткие, оценивающие взгляды то на меня, то на задумчивое лицо двоюродного брата.

Ровно в девять тридцать Артём Ильич закрыл синюю папку, но не вернул её мне, а прижал ладонью к столешнице перед собой.

— Благодарю, коллеги, — произнёс он тоном, не допускающим продолжения дискуссии. — Елена Станиславовна, соберите оценки членов комитета по сегодняшнему слоту до конца дня. Этот экземпляр стратегии я заберу себе для детального изучения.

— Конечно, Артём Ильич, — кивнула директор по коммуникациям, поднимаясь с места. — Ксения Алексеевна, Дарья, спасибо за защиту. Официальное решение по первому этапу тендера секретариат направит вам в течение рабочей недели.

— Спасибо за время и содержательный разговор, — вежливо ответила я, собирая со стола оставшиеся буклеты, пока Даша торопливо отключала кабели и прятала ноутбук в чехол.

Мы вышли из малого конференц-зала в просторный коридор с панорамными окнами. Едва тяжёлая стеклянная дверь за нашими спинами плотно притворилась, Даша прислонилась плечом к стеновой панели и шумно выдохнула:

— Мамочки родные… Ксюша, я думала, у меня сердце через горло выпрыгнет, когда ты закрыла презентацию! Ты видела лицо этого Руслана с золотыми запонками? Он же спе-

циально подсунул нам ложную вводную про блогеров, чтобы мы поплыли прямо на глазах у генерального!

— Конечно, специально, — я потерла висок, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя лёгкую дрожь в пальцах и острое желание выпить наконец нормальный кофе — желательно из фарфоровой чашки и сидя в мягком кресле. — Обычная аппаратная игра: дискредитировать независимых кандидатов, которых отобрала Елена Станиславовна, чтобы протащить на контракт своё карманное агентство. Главное, что мы не стали оправдываться и перевели разговор в плоскость реальных рисков бизнеса.

— А как на тебя смотрел главный Верховцев, когда ты заговорила про его закрытость и старшее поколение акционеров! — Даша понизила голос до заговорщического шёпота, поправляя ремень тубуса на плече. — Клянусь, у него в глазах прямо бегущая строка включилась. И заметь: он ни слова не сказал комиссии про то, что полчаса назад ты устроила ему кофейное крещение в лифте! Ни полслова, ни намёка на химчистку!

— Потому что умные руководители не смешивают мелкие бытовые недоразумения с рабочими переговорами, — рассудительно заметила я, хотя, признаться честно, его сдержанность впечатлила и меня. Большинство известных мне топ-менеджеров на его месте не упустили бы случая отпустить язвительную шпильку при подчинённых, чтобы продемонстрировать своё превосходство. — Ладно, давай спускаться. Мне нужно позвонить маме в клинику, узнать, согласовали ли юристы текст гарантийного письма для инженерного подрядчика, и до обеда отправить отчёт нашему текущему клиенту по фарме.

Мы подошли к лифтовому холлу двадцать четвёртого этажа. Я нажала кнопку вызова, но в тот же миг со стороны конференц-зала раздались быстрые, твёрдые шаги по каменному полу.

— Ксения Алексеевна.

Я обернулась. Артём Ильич шёл к нам один, держа в левой руке мою синюю папку с раздаточными материалами. Закатанные на четверть рукава белой сорочки открывали крепкие предплечья, а верхняя пуговица воротника по-прежнему была расстёгнута, что делало его строгий образ неожиданно живым и даже опасным в своей сосредоточенной энергии.

— Мы забыли какой-то документ, Артём Ильич? — спросила я, делая полшага ему навстречу.

— Нет. Ваши документы в полном порядке, — он остановился в полутора метрах от нас, коротко кивнув притихшей Даше. — Дарья, если я правильно запомнил по титульному листу презентации? Инфографика на четырнадцатом развороте сделана отлично. Редко вижу, чтобы дизайнеры умели работать с финансовыми таблицами без визуального мусора.

Даша вспыхнула от удовольствия до самых кончиков рыжих ресниц.

— Спасибо большое! Я использовала модульную сетку с динамическим акцентом на… — начала было она, но тут же осеклась, уловив взгляд Верховцева.

— Буду признателен, если вы дадите нам с вашим руководителем десять минут наедине, — вежливо, но предельно конкретно закончил он фразу. — Внизу на первом этаже в корпоративном кафе варят вполне приличный капучино. Можете проверить, насколько плотно там закрывают крышки на стаканах. За мой счёт.

Даша метнула на меня быстрый вопросительный взгляд.

— Езжай вниз, Даш, — спокойно кивнула я, доставая из кармана её пропуск, который она сунула мне перед заходом в зал. — Подожди меня за столиком у входа, я скоро спущусь.

Как только за Дашей закрылись двери подошедшего лифта, холл двадцать четвёртого этажа словно стал вдвое тише и просторнее. За огромным панорамным стеклом медленно плыли слоистые сентябрьские тучи, отражаясь в зеркальных гранях соседних небоскрёбов.

Я повернулась к Верховцеву, скрестив руки на груди — не в знак обороны, а чтобы не теребить ремешок сумки.

— Если речь всё-таки пойдёт о стоимости вашего пиджака, Артём Ильич, я готова компенсировать услуги профессиональной чистки или ремонт по чеку ателье. Без всякой иронии. Моя неловкость — моя ответственность.

Верховцев посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, и впервые за это утро на его губах появилась настоящая, пусть и очень сдержанная улыбка. Она удивительным образом меняла его лицо: жёсткие складки у губ смягчались, а в уголках серых глаз проступали тонкие лучики человека, который умеет ценить хорошую шутку, даже когда шутка прилетает ему на грудь температурой в семьдесят градусов.

— Забудьте про пиджак, Ксения Алексеевна. Моя служба протокола давно мечтала списать этот графитовый костюм, потому что на камерах он даёт мрачный оттенок, так что вы просто ускорили естественный процесс ротации гардероба, — он слегка постучал пальцами по синей папке в своей руке. — Меня интересует другое. То, что вы сказали в зале про персонифицированный вакуум, консервативных акционеров и слухи о нестабильности накануне корпоративных решений. Откуда у вас такая точная диагностика? Вам кто-то из моих сотрудников слил повестку декабрьского заседания фонда?

Я вскинула подбородок. Обвинение в использовании инсайдерских сливов — последнее, что я готова была терпеть после истории с моим бывшим женихом.

— Я не работаю с краденой информацией и подковёрными сплетнями, Артём Ильич, — твёрдо ответила я. — Для того чтобы сложить два и два, достаточно уметь читать открытые источники. В реестре юридических лиц видно, что доля покойной Лидии Игоревны Верховцевой находится в доверительном управлении семейного фонда, который возглавляет ваша мама, Валентина Петровна. В деловой прессе за август было три заметки о том, что в конце декабря истекает пятилетний мораторий на распределение дополнительного пакета голосующих акций. А по тому, как ваш двоюродный брат сегодня пытался перехватить повестку тендера в присутствии подчинённых, любому опытному стратегу ясно: внутри семьи идёт борьба за голоса наблюдательного совета, и ваша личная закрытость используется оппонентами как аргумент против вашей социальной устойчивости.

Артём Ильич молчал секунд пять, не сводя с меня пристального взгляда. Потом подошёл к кнопке вызова отдельного, сервисного лифта в дальнем конце коридора и приложил к тёмному сенсору свою магнитную карту. Створки открылись мгновенно.

— Вы опасный человек, Ксения Алексеевна, — негромко сказал он, придерживая дверь рукой — точно так же, как сорок минут назад пыталась сделать я, только без стаканов с кофе. — Вы за десять минут в переговорной сформулировали то, что мои штатные консультанты боятся произнести вслух уже полгода.

— Это моя профессия — называть проблемы своими именами до того, как они превратятся в заголовки утренних газет, — я не двигалась с места, глядя на открытую кабину. — Но наш слот на тендере закончился. Зачем вы попросили меня остаться?

— Затем, что общий тендер на корпоративный ребрендинг пойдёт своим чередом через комитет Елены Станиславовны, и я не вмешиваюсь в процедуры закупок, — Артём Ильич посмотрел на меня поверх стальной панели двери, и в его голосе вдруг прорезалась предельная, почти отчаянная серьёзность человека, стоящего перед очень сложным решением. — Но помимо корпоративного тендера у меня есть отдельный, сугубо персональный репутационный проект на ближайшие три с половиной месяца. С сентября по конец декабря. Он не связан с инфлюенс-маркетингом, требует железных нервов, безупречного чувства собственного достоинства и абсолютной конфиденциальности.

Сердце в груди сделало странный, тяжёлый кувырок. В голове мгновенно мелькнула цифра маминого кассового разрыва в клинике «Рядом» — один миллион рублей, который нужно было обеспечить до конца месяца без кабальных банковских процентов, — и моя соб-

ственная мечта о независимом агентстве, которому для старта не хватало именно такого громкого, но честного кейса.

— Что именно за проект, Артём Ильич? — осторожно спросила я, подходя на шаг ближе к порогу лифта. — Если речь идёт о написании речей для наблюдательного совета или подготовке интервью для «Ведомостей», мы можем обсудить стандартный договор на PR-сопровождение первого лица.

— Речи и интервью я пишу себе сам, — покачал головой он. — А вот убедить мою мать и консервативных членов совета фонда в том, что я не затворник, живущий в серверной, а социально устойчивый человек с нормальной личной жизнью, одними пресс-релизами не получится. Мне нужен не просто консультант за кулисами, Ксения Алексеевна. Мне нужен партнёр в кадре.

Я замерла на пороге кабины, глядя на его абсолютно трезвое, лишённое всякой игривости лицо.

— Партнёр в кадре — в каком смысле?

— В самом прямом, — спокойно ответил Артём Ильич, нажимая кнопку своего этажа, но оставляя руку на датчике двери, чтобы у меня оставался выбор: шагнуть внутрь или развернуться и уйти. — Поднимитесь со мной на двадцать седьмой этаж на пятнадцать минут, я закажу вам настоящий кофе в фарфоровой чашке, без картонных стаканов и ненадёжных крышек, и разложу перед вами все условия без мелкого шрифта. Обещаю только одно: скучно не будет, а ваш гонорар за репутационный консалтинг по официальному договору составит ровно ту сумму, которую стоит спасение трёх месяцев моей жизни от семейных манипуляций. Итак, Ксения Алексеевна? Вы едете вверх или спускаетесь к стандартным брифам?

Я посмотрела на его ладонь, удерживающую стальную створку, вспомнила снисходительную ухмылку Руслана Павловича, утренний голос мамы в телефоне и то, как легко этот человек в белой сорочке только что защитил мою профессиональную правоту перед собственным комитетом. Интуиция пиарщика кричала, что за дверями двадцать седьмого этажа меня ждёт самое безумное предложение в моей карьере.

Я поправила ремень сумки на плече и шагнула в кабину лифта.

— Только при одном условии, Артём Ильич, — сказала я, когда тяжёлые двери бесшумно сомкнулись, отрезая нас от шумного делового этажа. — Кофе на вашем этаже наливаю не я.

Глава 2. Миллион без мелкого шрифта

Двадцать седьмой этаж встретил нас той особой, плотной тишиной, какая бывает только в местах, где квадратный метр аренды стоит как крыло пассажирского лайнера, а сотрудники разговаривают исключительно полушёпотом. Лифт плавно замедлил ход и выпустил нас в просторный холл с матовыми стеклянными панелями и живым фикусом, который выглядел более отдохнувшим и уверенным в завтрашнем дне, чем я после утреннего марафона через турникеты.

Артём Ильич пропустил меня вперёд без лишней суеты. На его белой сорочке у ворота до сих пор угадывался бледный кофейный след — напоминание о моём триумфальном появлении в башне «Вектории», — но сам владелец контрольной доли холдинга держался так, словно пятна от капучино входили в утверждённый советом директоров регламент.

— Зинаида Марковна на обеде, так что вашему самолюбию и моей кофемашине ничто не угрожает, — заметил он, открывая тяжёлую дверь углового кабинета. — Проходите, Ксения Алексеевна. Присаживайтесь там, где вам не будет казаться, что вы всё ещё на допросе у закупочного комитета.

Кабинет оказался неожиданно живым. Никакого показного mahogany-пафоса с бронзовыми орлами, глобусами-барами и портретами владельца на фоне буровых вышек. Огромные панорамные окна с видом на серую сентябрьскую Москву и соседние стеклянные башни делового квартала, длинный рабочий стол из светлого ясеня, заваленный распечатками технических спецификаций, три монитора и невысокий диван графитового цвета у стеллажа с книгами по прикладной математике и корпоративному праву.

Я выбрала кресло у низкого журнального столика — достаточно далеко от рабочего места хозяина, чтобы сохранять деловую дистанцию, и достаточно близко к выходу, если его «персональный репутационный проект» вдруг окажется чем-то из репертуара сомнительных бульварных романов.

Артём прошёл к встроенной нише, достал две белые фарфоровые чашки с толстыми стенками и нажал кнопку на панели кофемашины. Аппарат заурчал глубоким, успокаивающим басом.

— Без сахара и без корицы? — уточнил он через плечо.

— И без пластиковых крышек, — напомнила я, расстёгивая пуговицу жакета и кладя блокнот на колени. — Артём Ильич, давайте сразу сэкономим время. Через полтора часа мне нужно отправить вашей рабочей группе обновлённую смету по тендеру на ребрендинг, а вам наверняка есть чем заняться, кроме спасения утренних визитёров. В лифте вы сказали, что вам нужен партнёр в кадре до конца декабря. В моём профессиональном словаре это называется кризисным позиционированием первого лица. Но обычно для этого нанимают спичрайтера, стилиста и толкового фотографа из «Коммерсанта». Зачем вам я в самом кадре?

Он поставил передо мной чашку с густым, пахнущим горьким шоколадом эспрессо, рядом положил блюдце с миндальным печеньем в индивидуальной упаковке и сел напротив, сцепив длинные пальцы на колене. Вблизи стало заметно, что под его спокойствием скрывается колоссальная усталость: тонкие морщинки у внешних уголков серых глаз, чуть напряжённая линия челюсти, привычка на секунду задерживать взгляд на собеседнике, словно сверяя показания датчиков.

— Потому что спичрайтера, стилиста и фотографа из «Коммерсанта» моя матушка, Валентина Петровна, раскусит за тридцать секунд, а мой двоюродный брат Руслан Павлович — за пятнадцать, — ровно ответил Артём. — Вы видели Руслана на презентации. Он финансовый директор нашего дочернего подразделения и человек с удивительным талантом превращать любую мою привычку в аргумент против моей управленческой адекватности.

— Он задавал вполне грамотные вопросы по рискам, — справедливости ради отметила я, делая маленький глоток кофе. Напиток действительно оказался безупречным. — Правда, с таким выражением лица, будто лично поймал меня на краже канцелярских скрепок.

— Это его базовое выражение лица с тех пор, как четыре года назад умер мой отец, — без тени мелодрамы пояснил Верховцев. — До этого основу холдинга заложила наша бабушка, Лидия Игоревна. Женщина она была железная, старой академической закалки, и перед уходом устроила структуру владения так, чтобы мы не разорвали компанию на куски в первый же кризисный год. Контрольная доля в операционном бизнесе принадлежит мне, я её выстроил и защитил контрактами. Но дополнительный пакет голосующих акций, который окончательно блокирует любые попытки перехватить назначения в ключевых комитетах, находится в семейном фонде Верховцевых.

Я чуть наклонила голову, мгновенно переключаясь в режим аналитика. В репутационном консалтинге семейные фонды и наследственные советы всегда были самым сложным жанром: там, где заканчивается сухой корпоративный устав, начинаются обиды тридцатилетней давности и представления о прекрасном времён позднего домостроя.

— И кто управляет этим фондом?

— Наблюдательный совет из семи человек. Председатель — моя мать, Валентина Петровна. Остальные — старые партнёры бабушки и отца, люди за шестьдесят, для которых словосочетание «облачная архитектура данных» звучит примерно как «гадание на кофейной гуще», — Артём криво усмехнулся. — В конце декабря совет должен проголосовать по распределению этого пакета. Формально все юридические и финансовые показатели на моей стороне: выручка группы выросла на двадцать два процента, долговая нагрузка снижена, аудит чистый. Ни в одном документе фонда, разумеется, не написано, что акционер обязан состоять в браке или водить хороводы вокруг новогодней ёлки. Юридически семейное положение не является условием передачи акций.

— Но совет голосует не только по таблицам в Excel, — негромко продолжила я его мысль. — Совет голосует по субъективному ощущению надёжности кандидата. А Руслан Павлович, насколько я понимаю, аккуратно транслирует членам совета мысль о том, что вы — оторванный от реальности технократ-одиночка, который ночует в офисе, конфликтует с традиционными семейными устоями и в любой момент может продать дело жизни бабушки какому-нибудь зарубежному инвестфонду ради нового проекта.

Артём посмотрел на меня с тем самым выражением тихого восторга, с каким час назад слушал мой ответ в переговорной.

— Господи, какое счастье разговаривать с человеком, которому не нужно двадцать минут объяснять разницу между уставом общества и человеческой психологией, — выдохнул он, откидываясь на спинку кресла. — Именно так. Руслан женат двенадцать лет, аккуратно возит Валентину Петровну на благотворительные вечера в Переделкине, помнит именины всех членов попечительского совета и последние полгода методично капает им на мозги, что мне нельзя доверять стратегический пакет, потому что у меня «нет корней, нет тыла и нет понимания преемственности». А после того как в августе я в третий раз пропустил семейный юбилей из-за запуска дата-центра в Екатеринбурге, мать прямо заявила, что на декабрьском заседании воздержится при голосовании, если не увидит, что я способен выстроить нормальную человеческую жизнь вне серверной.

— И вы решили за один день обзавестись нормальной человеческой жизнью с помощью стороннего подрядчика по связям с общественностью? — я подняла бровь, стараясь, чтобы ирония в голосе звучала профессионально, а не язвительно. — Артём Ильич, вы же умный человек. Любая нанятая актриса или модель из агентства развалится на первом же ужине у вашей мамы. Валентина Петровна наверняка не из тех женщин, которых можно очаровать улыбкой и рассказом о любви к современному искусству.

— Именно поэтому мне не нужна ни актриса, ни модель, — отрезал он. — И именно поэтому полчаса назад в переговорной я понял, что эту задачу можете решить только вы. Вы не тушуетесь, когда на вас давят. Вы умеете держать удар, не переходя на хамство. Вы разбираетесь в корпоративной кухне, знаете цену словам и выглядите как женщина, которую я действительно мог бы выбрать и уважать.

На последней фразе внутри у меня что-то предательски дрогнуло, но я тут же мысленно дала себе по рукам. Спокойно, Ларионова. Это не комплимент на свидании в тихом баре на Патриарших. Это деловой питч человека, у которого горит стратегическое голосование на миллиарды рублей.

— Допустим, — медленно произнесла я, отставляя пустую чашку на край столика. — И как вы себе это представляете технически? Я прихожу с вами на три протокольных коктейля, мило улыбаюсь Руслану Павловичу, хвалю пироги Валентины Петровны, а в январе мы делаем вид, что не сошлись характерами на почве разного отношения к зимнему отдыху?

Артём помолчал секунду, глядя мне прямо в глаза, а потом произнёс то, от чего воздух в его просторном кабинете вдруг показался мне слишком разреженным:

— Начать я хочу именно с этого: совместная подготовка легенды, несколько закрытых семейных и отраслевых мероприятий в сентябре, работа над моим публичным контуром в прессе. Но я буду с вами предельно честен, Ксения Алексеевна. Зная мою мать и методы Руслана, простого появления «девушки на вечер» им надолго не хватит. Если мы увидим, что легенда работает и мы способны выносить друг друга в одном пространстве без жертв и разрушений, на октябрь нам придётся пойти на полноценный шаг. Официальная регистрация брака. Настоящая, через ЗАГС, без поддельных штампов и театральных декораций.

Я замерла с блокнотом в руках. За окном бесшумно проплыла люлька мойщиков фасадов, и этот будничный, почти абсурдный вид людей со швабрами на высоте двадцать седьмого этажа странным образом вернул мне дар речи.

— Вы сейчас серьёзно предлагаете мне расписаться с вами ради успокоения попечительского совета? — тихо переспросила я.

— Я предлагаю вам сначала подумать и встретиться завтра с моим юристом, Михаилом Борисовичем Паниным, — спокойно, без малейшего нажима ответил Артём. — Никакого принуждения, никаких решений сегодня на эмоциях. Брак — это вопрос добровольного согласия, который мы обсудим только тогда, когда вы сами убедитесь в безопасности всей конструкции. А вот ваша работа как PR-стратега, который берёт на себя три с половиной месяца моего персонального позиционирования, репутационный аудит фонда, подготовку публичных выходов и круглосуточный кризисный менеджмент рядом со мной, должна быть оформлена и оплачена абсолютно официально. Белым договором на оказание консультационных услуг. С прозрачными налогами и актами выполненных работ.

Он протянул руку к столу, взял чистый лист плотной бумаги, быстро написал на нём цифру перьевой ручкой и пододвинул лист ко мне.

На бумаге стояло: «1 000 000 #».

Ровно та сумма, которую полтора часа назад мама назвала мне по телефону, глядя на неоплаченные счета подрядчиков за вентиляцию в клинике «Рядом» и зависший перевод от страховой компании. Один миллион рублей. Не сказочные золотые горы из голливудских сказок, не смешная подачка, а точная, реальная рыночная стоимость сложного трёхмесячного эксклюзивного контракта для топ-менеджера первого эшелона — сумма, которая закрывала кассовый разрыв маминого центра без кабальных кредитов и позволяла мне сохранить подушку безопасности для запуска собственного агентства.

Мне стоило огромных усилий не выдать лицом, насколько точно эта цифра попала в мою сегодняшнюю боль.

— Один миллион рублей за персональный консалтинг и сопровождение публичных мероприятий с сентября по декабрь, — вслух прочитала я, заставляя голос звучать ровно и по-деловому сухо. — Цифра понятная, для индивидуального контракта с высокой вовлечённостью — в рамках рынка. Но давайте сразу проведём красную линию, Артём Ильич, чтобы ни у вас, ни у вашего юриста не возникало иллюзий. Я продаю свои мозги, своё время, свою экспертизу в коммуникациях и свою готовность отыграть публичную роль вашей спутницы в рамках согласованного сценария. Я не продаю ни своё тело, ни свою свободу передвижения, ни право распоряжаться моей жизнью.

— Даже в мыслях не было, — мгновенно и очень серьёзно отозвался он. — Больше того, если бы вы согласились на меньших условиях, я бы первый усомнился в вашей профпригодности. Никаких поползновений на вашу личную территорию, никаких закрытых дверей без вашего ведома, никакого отказа от ваших текущих клиентов. Вы продолжаете вести свои проекты, включая общий тендер «Вектории», если ваш проект победит у Елены Станиславовны на общих основаниях. В тендер я вмешиваться не буду — ни в вашу пользу, ни против вас. Это вопрос принципа.

— Это справедливо, — кивнула я, чувствуя, как внутри впервые за это безумное утро просыпается настоящее уважение к этому человеку. Он не пытался купить меня обещанием лёгкой победы в конкурсе и не строил из себя всемогущего благодетеля. — Мне нужно двадцать четыре часа. Я хочу изучить открытые данные по вашему семейному фонду, прикинуть риски для собственной репутации и съездить вечером к маме. Если завтра к полудню я скажу «да», мы встречаемся с вашим юристом и фиксируем правила на берегу.

— Завтра в двенадцать ноль-ноль Михаил Борисович будет ждать нас здесь с черновиком договора, — Артём поднялся, протягивая мне руку через столик. Его ладонь оказалась сухой, тёплой и неожиданно бережной при всей твёрдости рукопожатия. — Спасибо, что не сбежали с двадцать седьмого этажа по пожарной лестнице, Ксения Алексеевна.

— Пожарная лестница на каблуках с двадцать седьмого этажа — это не кризисный менеджмент, Артём Ильич, это членовредительство, — парировала я, забирая со столика свой блокнот. — До завтра.

***

Вечером того же дня, девятого сентября, я сидела в маленьком, пахнущем сушёной мятой и антисептиком кабинете главного врача центра восстановительной медицины «Рядом» в Одинцовском районе. За окном шумели мокрые после дождя сосны, по коридору первого этажа негромко переговаривались дежурный инструктор ЛФК и администратор, закрывавшая смену, а на столе перед моей мамой, Натальей Михайловной Ларионовой, лежала аккуратная стопка инженерных актов и распечатка банковского графика.

Мама в свои пятьдесят восемь лет обладала осанкой балерины и взглядом хирурга-реаниматолога, хотя всю жизнь занималась реабилитацией после травм и инсультов. Даже в простом тёмно-синем медицинском костюме, с собранными в низкий пучок русыми волосами, в которых серебрились аккуратные пряди, она умудрялась выглядеть так, словно любой финансовый кризис должен сначала записаться к ней на приём через регистратуру.

— Ксюша, перестань смотреть на эту папку так, будто в ней приговор трибунала, — мягко, но твёрдо сказала она, разливая по кружкам горячий травяной чай из термоса. — У нас не рушится потолок и никто не отключает аппаратуру физиотерапии за неуплату. Все пациенты получают процедуры по расписанию, зарплату персоналу за август я выплатила копейка в копейку.

— Мам, я видела счёт от подрядчика по приточно-вытяжной вентиляции и знаю, что страховая компания задержала квартальный транш на полтора месяца, — я придвинула к себе кружку, согревая пальцы о тёплый фаянс. — У тебя кассовый разрыв ровно на один миллион рублей, который нужно закрыть до двадцать пятого сентября, иначе пойдут штрафные пени по

договору реконструкции и вы заморозите закупку новых тренажёров для зала механотерапии. Что сказали сегодня в банке?

Наталья Михайловна вздохнула, снимая очки в тонкой титановой оправе и потирая переносицу. Вот этот жест — короткий, почти незаметный для посторонних — я знала с детства. Так мама делала только тогда, когда уставала держать оборону в одиночку.

— В банке предложили коммерческий овердрафт под двадцать четыре процента годовых с поручительством и залогом медицинского оборудования, — призналась она без лишнего драматизма. — График погашения у нас абсолютно прозрачный: страховая подтвердила перевод на середину ноября, плюс осенний поток коммерческих программ реабилитации всегда даёт стабильный плюс. Деньги вернутся в оборот через три-четыре месяца. Но кормить банк грабительскими процентами и отдавать в залог аппараты, на которые мы копили три года, мне, конечно, поперёк горла.

— И не нужно ничего отдавать в залог, — я поставила кружку на блюдце и посмотрела ей прямо в глаза. — Никакого овердрафта под двадцать четыре процента мы брать не будем. У меня сегодня после презентации в «Вектории» появилось предложение на отдельный крупный проект по персональному репутационному консалтингу. Срок — три с половиной месяца, с сентября по конец декабря. Сумма договора — ровно один миллион рублей.

Мама внимательно прищурилась, снова надевая очки. Обмануть её или отделаться общими словами о «перспективном заказчике» было невозможно примерно с моего седьмого класса.

— Так, — негромко произнесла Наталья Михайловна. — Давай-ка подробнее, Ксения Алексеевна. Утром ты ехала защищать общий тендер с Дашей и переживала, что пролила кофе на какого-то начальника в холле. А вечером приезжаешь в Одинцово и говоришь про индивидуальный контракт на миллион с авансированием. Что это за консалтинг такой и не пытаешься ли ты сейчас влезть в какую-нибудь кабалу ради моих вентиляционных шахт?

— Мам, я похожа на героиню мелодрамы девятнадцатого века, которая продаёт себя в рабство помещику ради спасения родового имения? — я не удержалась от улыбки, хотя внутри всё ещё гудела натянутая струна сегодняшнего дня. — Заказчик — Артём Ильич Верховцев, владелец контрольной доли «Вектории». Тот самый человек, на которого я утром вылила капучино. Оказалось, что в коммуникациях он ценит прямоту больше, чем химчистку. У него в декабре сложное голосование в наблюдательном совете семейного фонда, конфликт с амбициозным родственником и острая нехватка адекватного публичного позиционирования. Мне предстоит плотная, нервная работа: аудит инфополя, подготовка публичных выходов, сопровождение на мероприятиях.

Я сознательно не стала вываливать на маму в первый же вечер перспективу возможной октябрьской росписи в ЗАГСе — тем более что до завтрашней встречи с юристом и нашего собственного решения это оставалось лишь гипотетическим вторым этапом. Зато всё, что касалось финансовой и юридической чистоты сделки, я выложила без утайки.

— Договор абсолютно белый, через его юристов, — продолжила я, доставая из сумки блокнот с расчётами, которые набросала по дороге в электричке. — Если завтра на встрече меня устроят все условия по границам и безопасности, мы подписываем контракт. А с твоей клиникой мы оформляем официальный возвратный целевой заём от меня как от физического лица. Один миллион рублей, беспроцентный, с чётким графиком возврата к весне, когда к вам придут деньги от страховой и закроется зимний сезон. Ты спокойно расплачиваешься с подрядчиками по вентиляции, а весной возвращаешь мне эту сумму, и она идёт прямиком в уставный капитал и аренду моего собственного агентства. Никаких жертв, мам. Чистая математика и взаимная выгода.

Наталья Михайловна долго смотрела на мои расчёты в блокноте, потом перевела взгляд на моё лицо. В тишине кабинета было слышно, как за окном по жестяному отливу стучат редкие капли с сосновых веток.

— Глаза у тебя горят, — наконец задумчиво произнесла мама. — Причём не так, как горели два года назад, когда Максим Серов уговаривал тебя бесплатно переделывать стратегии для его друзей. Тогда ты оправдывалась, а сейчас ты злишься, просчитываешь ходы, но тебе явно интересен масштаб задачи. Этот твой Верховцев — он хотя бы порядочный человек?

Перед моими глазами вдруг отчётливо встала ладонь Артёма, удерживающая стальную дверь лифта, чтобы у меня оставался выбор, и его твёрдое обещание вообще не вмешиваться в решение тендерного комитета.

— Он сложный, закрытый и очень уставший, мам, — честно ответила я. — Но сегодня на совещании, когда его собственный кузен пытался публично размазать мою презентацию, Верховцев за две минуты расставил всё по местам, не повысив голоса и не унизив ни одного человека в комнате. А потом прямо сказал, что ценит мою работу. Мне кажется, с ним можно иметь дело на равных.

— Только на равных и соглашайся, дочка, — Наталья Михайловна накрыла мою руку своей тёплой, пахнущей лекарственными травами ладонью. — Заём для клиники мы оформим у нотариуса по всем правилам, до последней запятой. Я не позволю тебе дарить мне твои стартовые деньги, я их верну по графику. Но если на этой работе хоть кто-то попробует разговаривать с тобой сверху вниз — разворачивайся и уходи в ту же секунду. Вентиляцию я в крайнем случае переживу и с банковским кредитом, а твоё самоуважение кредитованию не подлежит. Договорились?

— Договорились, Наталья Михайловна, — я крепко сжала её пальцы, чувствуя, как с плеч наконец сваливается половина сегодняшнего груза. — Клянусь, на меньшее я не подпишусь.

***

Десятого сентября ровно в двенадцать дня в кабинете на двадцать седьмом этаже башни «Вектории» пахло свежей бумагой, хорошим кофе и здоровым юридическим скепсисом.

Источник скепсиса сидел за переговорным столом слева от Артёма Ильича, аккуратно выровняв перед собой три папки из плотного синего картона, серебряную ручку и очки в роговой оправе. Михаил Борисович Панин, сорокапятилетний руководитель правового департамента личных активов Верховцева, выглядел как человек, который даже собственное свидетельство о рождении подписал с протоколом разногласий. У него были безупречно подстриженные седеющие виски, тёмно-серый костюм в едва заметную полоску и спокойный, чуть утомлённый баритон врача, вынужденного объяснять взрослым людям, почему нельзя лечить мигрень гильотиной.

— Итак, коллеги, — Михаил Борисович перевёл взгляд с Артёма на меня и обратно. — Поскольку я работаю с семьёй Верховцевых двенадцать лет и дорожу своей адвокатской лицензией, я начну с краткого ликбеза по гражданскому и семейному праву Российской Федерации. Артём Ильич вчера вечером в общих чертах обрисовал мне вашу задумку. Моя задача — сделать так, чтобы ни одна буква в наших документах не нарушала закон, не походила на сомнительную сделку и не могла быть использована вашими оппонентами в суде или в прессе.

— Я внимательно слушаю, Михаил Борисович, — я открыла свой ноутбук и положила рядом блокнот с утренними пометками. После вчерашнего разговора с мамой и ночного изучения архива публикаций о фонде Лидии Игоревны я спала от силы четыре часа, но голова работала с кристальной ясностью.

— Пункт первый и фундаментальный, — юрист поднял указательный палец. — В российском праве невозможно заключить юридически обязывающий договор на «игру в любовь», «обязательство вступить в брак за вознаграждение» или «запрет испытывать романтические чувства под угрозой штрафа». Любое нотариальное соглашение, в котором будет написано, что

гражданка Ларионова обязуется изображать невесту или супругу гражданина Верховцева за один миллион рублей, с точки зрения закона ничтожно с момента подписания. Нельзя купить личную жизнь, нельзя наложить имущественные санкции за отказ от поцелуя или за выход из отношений. Если вы в октябре добровольно решите подать заявление и зарегистрировать брак в органах ЗАГС, это будет ваш самостоятельный гражданский акт, регулируемый Семейным кодексом и стандартным брачным договором о раздельном режиме имущества. Точка.

Я покосилась на Артёма. Тот сидел совершенно спокойно, подперев подбородок рукой, и явно ничуть не удивлялся прямоте своего юриста.

— Именно поэтому, Михаил Борисович, вчера я сразу сказала Артёму Ильичу, что не собираюсь подписывать никаких сказочных кабальных бумаг из бульварных романов, — чётко ответила я. — Меня интересует исключительно реальный правовой контур. Что именно мы фиксируем в договоре?

— Мы фиксируем только то, что является вашей реальной профессиональной работой, Ксения Алексеевна, — Панин одобрительно кивнул и раскрыл первую синюю папку. — Перед вами проект возмездного договора на оказание услуг по стратегическому PR-консалтингу, медиапланированию, подготовке публичных коммуникаций и сопровождению заказчика на официальных, деловых и благотворительных мероприятиях. Срок действия — с десятого сентября по тридцать первое декабря две тысячи двадцать пятого года. Общая стоимость услуг — один миллион рублей, включая все предусмотренные законом налоги. Оплата производится двумя траншами на ваш официальный расчётный счёт: аванс на этапе старта и закрывающий платёж по актам выполненных работ.

Я взяла распечатку и быстро пробежала глазами первые три страницы. Юридический язык Панина был образцовым: чёткие формулировки технического задания, аудит упоминаний в прессе, разработка коммуникационной стратегии для членов наблюдательного совета фонда, кризисное реагирование, отсутствие любых двусмысленных намёков на личные услуги.

— Пункт о праве на односторонний выход из проекта? — уточнила я, переворачивая страницу.

— Статья седьмая, — подсказал Михаил Борисович. — Вы вправе расторгнуть договор на любом этапе, уведомив заказчика за пять рабочих дней. В этом случае оплачивается фактически выполненный и подтверждённый актами объём консультационной работы, никаких карательных неустоек за прекращение сотрудничества не предусмотрено.

— А с графиком платежей я попросил Михаила Борисовича внести одну поправку, — спокойно вмешался Артём, впервые за десять минут подавшись вперёд. — Поскольку объём подготовительной работы в сентябре максимальный, а вы фактически перестраиваете под этот проект своё расписание на всю осень, восемьдесят процентов суммы по договору перечисляются авансом в течение двух банковских дней после подписания, остаток — по промежуточному акту двадцать второго сентября. Чтобы к концу месяца финансовый вопрос с вашей стороны был полностью закрыт.

Я подняла взгляд от документа и посмотрела на Верховцева. Я не называла ему вчера ни точную дату двадцать пятого сентября, ни название маминой клиники, ни причину, по которой мне так важен был этот миллион именно в текущем месяце. Он просто сложил два и два по моей вчерашней реакции в этом самом кабинете — и сделал шаг навстречу так деликатно, чтобы мне не пришлось ничего просить или чувствовать себя обязанной.

В горле на секунду стало сухо.

— Это... очень удобный график для моего финансового планирования, Артём Ильич, — ровно сказала я, удерживая профессиональный тон. — Спасибо. По основному договору консалтинга у меня возражений нет. Теперь давайте перейдём к тому, что не входит в юридический документ, но без чего наша совместная работа в кадре не продлится и недели.

Михаил Борисович с лёгким любопытством откинулся на спинку стула, а Артём вопросительно приподнял бровь:

— Ваши условия, Ксения Алексеевна?

Я открыла свой блокнот на странице, озаглавленной «Меморандум о личных границах и правилах взаимодействия», и положила перед собой ручку.

— Назовём это нашей внутренней рабочей памяткой. Она не для налоговой и не для суда, она для нас двоих, чтобы никто не путал репутационный проект с реальной жизнью, — я посмотрела прямо в серые глаза Верховцева. — Пункт первый: полная информационная прозрачность внутри тандема. Вы не скрываете от меня ни одного скелета в корпоративном шкафу «Вектории» или семейного фонда. Если у Руслана Павловича или у кого-то из совета есть рычаги давления на вас, о которых я не знаю, я должна узнать о них от вас в этом кабинете, а не на светском ужине под прицелом телефонов. Пиарщик, которому врёт собственный клиент, бесполезен.

— Принято без оговорок, — кивнул Артём. — Сегодня же получите полный расклад по составу совета фонда и всем спорным сделкам за последние три года. Дальше?

— Пункт второй: моя профессиональная автономия. Никаких подарков в виде должностей в вашей структуре, никакого протекционизма на общем тендере у Елены Станиславовны и никаких попыток контролировать моих сторонних заказчиков или мою подругу и партнёра Дашу Рубцову, которая будет помогать мне с аналитикой и визуальными материалами.

— Уже договорились вчера. Подтверждаю при свидетеле, — Артём кивнул в сторону улыбающегося уголками губ Панина. — Пункт третий?

— Пункт третий и четвёртый касаются быта и физической дистанции, — я чеканно выговорила каждое слово, чувствуя, как слегка розовеют скулы, но не отводя взгляда. — Если в октябре мы действительно придём к осознанному решению зарегистрировать брак для убедительности перед консервативным крылом фонда и мне придётся переехать на вашу территорию, у меня должна быть полностью изолированная гостевая часть. Отдельная спальня, отдельный санузел, отдельный ключ и право свободного входа и выхода в любое время суток без отчётов о том, где я была и с кем пила кофе.

— Мой пентхаус разделён на два независимых крыла с отдельным входом в гостевые апартаменты и собственным замком, — совершенно серьёзно ответил Артём. — Ключи будут только у вас. Ни одна живая душа, включая клининг, не зайдёт на вашу половину без вашего предварительного согласия. А что в пункте четыре?

Я опустила глаза в блокнот, где аккуратным почерком был выведен подпункт, который я сформулировала сегодня утром, вспоминая слишком внимательный взгляд Верховцева в лифте и его тёплую сухую ладонь.

— Пункт четыре-два, — произнесла я твёрдо. — Никаких поцелуев, объятий и любых физических прикосновений без предварительного явного согласия. Ни на публике «ради достоверности кадра», ни тем более наедине. Любой тактильный жест на мероприятиях — рука на локте у фотозоны, совместный выход к прессе — оговаривается заранее, как мизансцена в сценарии. Никаких импровизаций с моим личным пространством. Вы не распоряжаетесь моим телом, Артём Ильич, ни по договору, ни за его пределами.

В кабинете повисла короткая, звенящая тишина. Михаил Борисович деликатно кашлянул, делая вид, что проверяет нумерацию страниц в приложении к договору, но я видела, что старый корпоративный юрист смотрит на меня с неподдельным уважением.

Артём не улыбнулся и не попытался отшутиться. Он взял со стола свой экземпляр рабочей блокнотной бумаги, размашисто записал формулировку под диктовку и поставил внизу дату и подпись.

— Пункт четыре-два: никаких поцелуев и прикосновений без явного согласия, — повторил он низким, спокойным голосом, пододвигая лист ко мне. — Я подписываюсь под каждым

словом, Ксения Алексеевна. И со своей стороны добавляю только одно зеркальное правило: если в какой-то момент вам станет некомфортно, страшно или вы почувствуете, что давление моей семьи переходит границы разумного, вы не терпите ради контракта и не молчите, а говорите мне прямо в ту же минуту. Мы партнёры, а не заложники.

Я посмотрела на его чёткую, уверенную подпись под моим правилом о границах, взяла ручку и расписалась рядом — сначала на нашей памятке, а затем на обоих экземплярах официального договора PR-консалтинга, которые пододвинул Михаил Борисович.

— Ну что ж, — Панин удовлетворённо сложил подписанные листы в папку и защёлкнул портфель. — С юридической точки зрения документ безупречен, бухгалтерия проведёт авансовый платёж до конца завтрашнего рабочего дня. А с человеческой точки зрения, Артём Ильич, должен заметить, что за двенадцать лет моей практики это первый случай, когда консультант строит тебя в твоём собственном кабинете быстрее, чем Валентина Петровна. Желаю вам обоим выжить к декабрю.

Когда за юристом закрылась дверь, я с облегчением выдохнула, собирая со стола свои бумаги. Казалось, самая сложная часть переговоров осталась позади: правила зафиксированы, деньги для маминого целевого займа будут на счёте через два дня, границы прочерчены жирным маркером.

Но Артём, вместо того чтобы попрощаться до понедельника, подошёл к своему рабочему столу, развернул ко мне крайний монитор и постучал пальцем по открытому письму из корпоративной рассылки.

— Вы просили в первом пункте полную прозрачность и отсутствие сюрпризов, Ксения Алексеевна, — негромко сказал он, и в его глазах мелькнул знакомый боевой прищур. — Тогда начинаем прямо сейчас. Десять минут назад секретариат семейного фонда прислал обновлённый регламент на следующую неделю. Руслан Павлович развил бурную деятельность: он убедил Валентину Петровну не ждать октября и устроить предварительный закрытый семейный ужин в Переделкине уже в следующую среду, семнадцатого сентября. А чтобы проверить, насколько мои рассказы о «серьёзных переменах в личной жизни» соответствуют действительности, вчера вечером его помощница уже запрашивала у службы безопасности списки всех посетителей моего этажа за эту неделю.

Я замерла у края стола, глядя на экран монитора. Семнадцатое сентября. Ровно семь дней.

— То есть у нас нет месяца на раскачку, — медленно произнесла я, чувствуя, как вместо паники внутри поднимается холодный, чистый профессиональный азарт. — Руслан Павлович уже взял след и хочет поймать нас на первой же несостыковке в биографии до того, как мы успеем согласовать базовую легенду.

— Именно, — кивнул Артём, глядя на меня сверху вниз с расстояния вытянутой руки — строго за чертой нашего свежеподписанного пункта четыре-два. — Семь дней на то, чтобы два абсолютно чужих человека выучили привычки, биографии и слабые места друг друга так, чтобы ни моя мать, ни мой кузен не нашли ни единой трещины. Вы всё ещё не жалеете, что вчера шагнули в мой лифт, Ксения Алексеевна?

Я захлопнула крышку своего ноутбука, убрала в сумку подписанный экземпляр договора на миллион рублей и прямо встретила его взгляд.

— Я жалею только об одном, Артём Ильич: что вчера на презентации вылила капучино на вас, а не на финансовый отчёт вашего двоюродного брата, — сухо ответила я. — Освобождайте вечер четверга и всю субботу. Завтра я подключу Дашу к проверке вашей корпоративной легенды, а послезавтра мы с вами начнём учиться врать так, чтобы нам поверила вся Москва.

Глава 3. Тест на настоящую ложь

Четверг, одиннадцатое сентября, начался для меня в половине девятого утра с уведомления мобильного банка, которое прозвучало куда м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.